

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ Э. ГУССЕРЛЯ И ЭСТЕТИКА ДРУГОГО М.М. БАХТИНА

PHENOMENOLOGY OF E. HUSSERL INTERSUBJECTIVITY AND AESTHETICS OF THE "OTHER EGO" OF M.M. BAKHTIN

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokuchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается теория феноменологического конституирования «другого Я», сопоставляется концепция «аналогизирующей аппрезентации» Э. Гуссерля и эстетика «другого Я» М.М. Бахтина. Делается вывод об их взаимной дополнительности в решении проблемы.

Summary. In the article is considered the phenomenological theory of the constitution of the "other ego", compared the concept of "analogical appraesentation" of E. Husserl and the aesthetics of the "other ego" of M.M. Bakhtin. The author make a conclusion, that these concepts are complementary.

Ключевые слова: Феноменология, интерсубъективность, эстетика, «другое Я», Э. Гуссерль, М.М. Бахтин.

Key words: Phenomenology, intersubjectivity, aesthetics, the "other ego", E. Husserl, M.M. Bakhtin.

УДК 303.01

1. У М.М. Бахтина и Э. Гуссерля много общего. Прежде всего - это основной способ устройства первой философии: гуссерлев феномен и бахтинское событие - основные ее элементы, каждый в соответствующей концепции - существенно близки. "Событие бытия есть понятие феноменологическое, ибо живому сознанию бытие является как событие и как в событии оно действенно в нем ориентируется и живет" - так устанавливает связь с феноменологией своего основного понятия сам русский мыслитель¹. Гуссерлев феномен, как известно, есть корреляция некоторого предметного смысла и способа его конституирования, то есть деятельности сознания по организации его как существующего, актуализации необходимых для этого смыслов сферы чистой субъективности. Деятельность эта в каждом своем акте есть, конечно, единичное событие в смысле близком тому, что влагает в это понятие М.М. Бахтин, который не говорит о подобной корреляции, определяя "событие" с помощью бинарности: единичное - универсальное, первый член которой и выявляет искомую специфику понятия. М.М. Бахтин допускает еще одно важное для обсуждаемой близости положение. Сферой события выступает у него - субъективность, совокупность смыслов я, - исходная среда бытия любого единичного или универсального предмета. Именно я является хронотопом события, его средоточием и источником. Я оказывается синонимом единичности. Но я есть и определенная деятельность, ответственный поступок. "Только изнутри моей участости может быть понято бытие как событие"². Эта исходность сохраняется для всех ситуаций,

¹ Бахтин М.М. - Работы двадцатых годов. Киев: 1994 - С. 238.

² Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 24.

для действительного переживания и для эстетического созерцания: "мы прежде всего усматриваем принципиальную архитектурную разнозначность моей единственной единственности и единственности всякого другого - и эстетического и действительного - человека"; "Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу - в этом глубокая онтологически-событийная разнозначность"³. Мы не будем здесь подробно обсуждать суть проекта первой философии русского мыслителя, изложенного в основном в его работе "К философии поступка", но сказанного достаточно для того, чтобы обнаружить некоторое существенное сходство М.М. Бахтина и Э. Гуссерля в ключевом для их концепций месте. Обратимся теперь к способу конституирования другого я в каждой из сравниваемых концепций.

Другой конституируется в феноменологии как воплощенная индивидуальность, эго-монада⁴. Индивидуальность исторична, она не выступает в качестве простого и пустого принципа единства, не является трансцендентальным эго, объемлющим бытие и потому бессодержательным. Индивидуальность сложна, то есть разнообразна в своем содержании. В это содержание входит и смысловое богатство телесности. Эйдетически и эмпирически первичный смысл, организующий Другого, это - его пространственное тело, которое присутствует в сознании благодаря восприятию внешних чувств. Восприятие следует понимать здесь в качестве одного из способов деятельности сознания, а не психологически. Воспринимаемое тело Другого аналогично одному из смыслов собственного тела. Собственное тело многозначно, оно воспринимается внешними чувствами, оно же дано кинестетически. Первый способ данности коррелятивен смыслу (ноэме) любого пространственного - "мертвого" - тела (Körper), второй - смыслу (ноэме) живого тела (Leib), проект которого можно исполнить, "наполнить первоимпрессиями", более адекватно, чем проект «мертвого» тела. Этот проект богаче, его легче осуществить или изменить. Между «мертвым» и живым телами одного и того же собственного тела также существует корреляция: один и тот же участок тела может быть воспринят, например, зрительно и кинестетически. Живое тело есть также орудие конституирования мертвого: без изменения состояния - "позы" - моего тела невозможно конституирование каких-либо новых пространственных смыслов любых вещей.

При восприятии тела Другого эта последняя корреляция примысливается (аппрезентируется) к нему в качестве продолжения аналогии мертвых тел: собственного и Другого, ведь именно они даны одинаково. Присутствующее сходство «мертвых» тел провоцирует конституирование отсутствующего сходства тел живых. Аналогия движется дальше, таким образом, аппрезентация захватывает и эго-монаду Другого. То есть Другой во всех его планах - внешне-телесном и внутренне-душевном - оказывается аналогией я. Я последовательно сохраняет свою фундаментальность и исходность, выступая и здесь образцом для соответствующих аналогий на всех уровнях.

Рассмотрим процесс аппрезентации подробнее. Еще Т. Липс заметил, что "проникновение" в психический мир другой личности может быть двояким. Первый способ получил в психологии название "проекции", имеется в виду простая подстановка собственных представлений о той ситуации, в которой находится Другой, в образ его внутренней апперцепции. Второй способ получил в психологии название "эмпатии", он несколько сложнее предыдущего. Предполагается уже не просто перестановка представлений, но усилие по их изменению. При этом собственные представления изменяются дважды; во-первых, изменение происходит при организации точки зрения Другого, а во-вторых, оно возможно при соотнесении старой - собственной и новой - Другого - точек зрения. Кроме того, это изменение может осуществляться сколь угодно долго. Поскольку Другому никто не запрещает конституировать мое собственное тело, с ним происходят те же изменения, причем опять же ничто не мешает ему конституировать мою эго-монаду как изменяющуюся при конституировании его эго-монады, и так далее. Любая вещь может явиться фактом сознания Другого и стать пово-

³ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 66.

⁴ Husserl E. Cartesianische Meditationen // Husserliana. Bd. 1. - Haag: 1950.

дом для аппрезентации. Вся эта сложность иногда имплицитно заложена в концепции Э. Гуссерля, а иногда и прямо выявлена. Так, Э. Гуссерль полагал, что только эмпатия, но не проекция может быть путем в мир Другого, что взгляд Другого создает особое измерение объективности, истины трансцендентного мира, наряду с закономерностью синтеза присутствующих характеристик (чувственных данных) по одному из их тождественных содержаний. Не сложно заметить, что в этом "перекидывании" взглядов его источнику так и не удастся выбраться за свои собственные пределы, Другой все равно остается в пределах изменения меня. Кроме того, это "перекидывание" создает слишком сложную и в принципе незавершенную систему смыслов, чтобы кому-нибудь надеяться все же на ее обладание. Наконец, проблематичной оказывается сама аппрезентация живого тела Другого, ведь живое тело может быть только собственным. Список претензий можно было бы и продолжить, но, пожалуй, наиболее кардинальной претензией является сама эстетика Другого М.М. Бахтина. Сущность этой концепции вступает в противоречие с основными исходными допущениями Э. Гуссерля о парадигматическом характере я.

2. Основное положение эстетики Другого М.М. Бахтина гласит: "Подобно пространственным границам, и временные границы моей жизни не имеют для меня самого формально организующего значения, какое они имеют для жизни другого"⁵. Это значит, что несмотря на эйдетическую исходность и фундаментальность я, отмечавшуюся выше и у М.М. Бахтина, и у Э. Гуссерля, оно оказывается неоформляемым принципиально, не имеющим границ. Вопрос о границах сознания действительно указывает на трудно разрешимую проблему, на парадокс: то, что есть сознание, событие во всей его возможной полноте, бытие, нельзя определить, ибо любое определение будет предполагать внеаходимость относительно сознания, бытия, следовательно, не может быть осознано, не существует; однако, если не существует определение, то не существует и определяемое. Иными словами, если есть только я, то его нет. И вот обнаруживается, что другой обладает большей фундаментальностью и исходностью, чем я. Я вечно, Другой же как будто предвечен. Он существует благодаря я, следовательно, он оформлен, но только он и оформлен, стало быть, он - образец для формирования я, а не наоборот. В результате этого переворота поколеблен даже тезис Р. Декарта: "я мыслю, следовательно, существую". Теперь получается: "он мыслится, следовательно, я существую". Но почему именно он приобретает такую роковую для я роль, а не что-нибудь другое? Любой предмет обладает формой, полученной в деятельности я, - значит, любой предмет мог бы стать образцом для оформления этой деятельности. Но это не так, очевидно, потому, что только он похож на меня: он так же фундаментален и первичен (а теперь еще и оформлен). И все же, я похож на Другого или он на меня? Кто сотворен по образцу и кто этот образец? В любом случае, творец - я. М.М. Бахтин словно применяет гильбертово доказательство: если я не могу быть образцом, то тогда верно, что он такой образец. Но как этот другой конституируется? Э. Гуссерль использует диаэртическое определение сознания, он не говорит что это такое, но говорит, сколько у него видов, форм актов и так далее. Оба ответа неудовлетворительны, ибо они могут быть получены лишь при изменении вопроса. Наиболее сильным выглядит аргумент М.М. Бахтина в споре о природе конституирования пространственного тела воплощенного субъекта. "Моя наружность, то есть все без исключения экспрессивные моменты моего тела, переживаются мною изнутри; лишь в виде разрозненных обрывков, фрагментов, болтающихся на струне внутреннего самоощущения, попадает моя наружность в поле моих внешних чувств, и прежде всего зрения, но данные этих внешних чувств не являются последней инстанцией даже для решения вопроса о том, мое ли это тело; решает вопрос лишь наше внутреннее самоощущение."⁶ Сообщив этот тезис, М.М. Бахтин переходит к положительной части вышеуказанного тезиса: "Нужно коренным образом перестроить всю архитектонику мира мечты, введя в него совершенно новый момент, чтобы

⁵ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 175.

⁶ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 109.

оживить и приобщить воззрительному целому свой внешний образ. Этот новый момент, перестраивающий архитеконику, - эмоционально-волевая утвержденность моего образа из другого и для другого человека"⁷. Из Другого, так как я не могу быть материалом-образцом для конституирования собственного внешнего тела, такого тела у меня нет. Для Другого, так как для меня внутреннего моего внешнее тело - сущность иного порядка, необходима такая же сущность - внешнее тело Другого, чтобы вписать мое в соответствующий ему мир; для Другого мое внешнее тело - легитимно существующая вещь, для меня - результат специального искусственного и проблематичного усиления.

При всем волюнтаризме этих бахтинских построений, следует признать их общую справедливость. Чужое внешнее тело, конечно, тоже никогда не дано целиком, но все же ему, действительно, присуща целостность иного порядка, нежели целостность моего тела. Этот аргумент особенно важен, если учесть, что в теории Э. Гуссерля собственному мертвому телу отводилась роль начала конституирования Другого. С отказом от такого начала рушится вся теория. Но даже если признать это превосходство чужого внешнего тела над моим, на каком основании я узнаю в некоторой пространственной вещи тело другого? Казалось бы, мир внешнего - не мой мир, но мир внутреннего-то - вот где родная среда бытия я. Но оказалось, что и моей внутренней целостности не существует для меня. Я - всегда проект и никогда данность. "Только тогда, когда я не ограждаю себя от заданного смысла, я напряженно владею собой в абсолютном будущем, держу себя в своей заданности, управляюсь действительно собой из бесконечной дали абсолютного будущего своего. Над своей наличностью я могу замедлить только в покаянных тонах, ибо это промедление совершается в свете заданности. Но как только я выпускаю из ценностного поля своего видения свою заданность и перестаю напряженно быть с собой в будущем, моя данность теряет свое предстоящее единство для меня, распадается, расслаивается в тупо-наличные фрагменты бытия. Остается приютиться в другом и из другого собрать разрозненные куски своей данности, чтобы создать из них паразитически завершенное единство в душе другого, его же силами."⁸ Мое будущее единство - только сущее в возможности, мое действительное единство - только куски, в лучшем случае соединенные из Другого и для Другого. В ход идет даже старый аргумент о том, что переживание не дано в момент переживания и схватывается в рефлексии позднее, как предмет другого переживания⁹. Аргументов много, но все же, как конституируется внутренний мир Другого; вот уж что отсутствует всегда, так это душа Другого. Внутренняя апперцепция Другого никогда не дана непосредственно, в отличие от его тела.

Полагание Другого всегда предполагается. Оно словно было всегда, никакая конкретизация не проясняет сути дела. Не отказываясь от гуссерлевой аппрезентации и бахтинской эстетики, мы предлагаем дополнить эти способы конституирования Другого еще одним. Назовем его "парадигматизацией". Без парадигматизации невозможно конституирование какого бы то ни было явления. Действительно, Другой является прежде всего как пространственное тело, как один из видов трансцендентной вещи, в этом специфика его присутствия. Но ведь присутствием он не исчерпывается, его эго-монада не дана непосредственно. Смыслы, присутствующие в сознании, вовсе не обязательно порождены или выражены первоимпрессиями, то есть связаны с конкретным настоящим ситуации, с которой в принципе могут иметь дело и я, и Другой. Возможность актуализации смыслов не ограничена, мир сознания бесконечен. Таким образом, понять Другого можно лишь в ситуации, когда его тело семиотически организовано по некоторому известному мне социальному стандарту. Историческая совокупность таких стандартов есть человеческая культура. Культура есть общее во мне и в Другом, мост из моего внутреннего мира в мир другого и наоборот. Культура есть общение. Таким образом, оказывается, что образец конституирования субъективности имеет

⁷ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 111.

⁸ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 189.

⁹ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 178 - 184.

культурное происхождение и не сводим к я или Другому. Точка зрения Э. Гуссерля более последовательно соблюдает привелигированность я, поэтому с ее помощью получен некоторый положительный ответ на поставленные выше вопросы. Если признать верной точку зрения Э. Гуссерля, то обнаруживается и справедливость поправки М.М. Бахтина, ведь организация смыслов я всегда предварительна, не имеет целостного, завершенного характера. Но именно эти предварительные структуры и выступают в качестве первопарадигм для конституирования Другого воплощенного субъекта. Однако это конституирование вносит существенные изменения в сам образец для него. Образец переделывается в соответствии с тем, что выполнено по его правилам. Он выступает в качестве способа идентификации, узнавания Другого, после которого подвергается коррекции. Но все эти идентификации и коррекции не имели бы никакого эффективного результата, если бы не были в свою очередь парадигматизированы культурой. Без социо-культурных образцов сознание никогда не имело бы критерия для того, чтобы признать другое я в качестве равносущностного самому себе, то есть чтобы возник сам феномен другости.

В итоге все основные проблемы и противоречия теории интерсубъективности и эстетики Другого получают предварительное разрешение. Остановимся теперь на некоторых новых проблемах, содержащихся уже в теории парадигматизации, разработанной в структурно-функциональном анализе.

Парадигматизация тела есть условие общения, но она противоположна смысловой бесконечности содержания сознания. Семиотическая ограниченность парадигматизации преодолевается в условиях естественного языка.

Наиболее "активный" участок такого парадигматизированного тела - голосовые связки и их орудия (органопроекции) - звуки; с их помощью и создаются означающие естественного языка. Естественный язык состоит из немотивированных знаков, их материальные означающие и идеальные означаемые связаны конвенционально. Материальные означающие естественного языка - звуки - являются временными вещами, то есть они не только легко и всегда производятся благодаря присутствию в любой ситуации коммуникации человеческого тела, но и быстро уничтожаются. Язык состоит из гетерогенных элементов. Если звуки и слова парадигматизированы, то есть их всегда ограниченное число, то предложения - нет. Означаемые входящих в предложения слов организуют их смысл без последовательной парадигматизации, ибо возможные связи их аналогов во внеязыковой реальности известны сознанию. Конечно, предложения могут пониматься общающимися субъектами по-разному, поскольку их внутренние миры, обеспечивающие понимание, их пресуппозиции не совпадают, но это не отменяет общение, а обогащает его, ибо общее сохраняется и провоцирует собственное разрастание. Конвенциональность и мобильность естественного языка, гетерогенность его составляющих позволяют ему транслировать любую информацию с помощью ограниченных средств в любых условиях коммуникации. Следовательно, естественный язык, как идеальное средство парадигматизации, есть наиболее адекватный способ конституирования Другого. Но тот же естественный язык может быть орудием механизмов или инопланетян. Человеческое участие в смысле другого я не обеспечивается только языком. Язык есть орудие понимания всего того, что могло бы быть в каком-то смысле равнозначно сознанию я. Поэтому язык должен восприниматься на фоне целого того субъекта, который им пользуется в ситуации общения. Без гуссерлевой аппрезентации и бахтинской эстетики невозможно конституирование другого я, но оно невозможно и без феноменологии естественного языка.